
«Народ благочестия руского»: о конфессиональном и этническом в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой

DOI 10.31168/91674-483-5.34

В исследованиях Бориса Николаевича Флори большое место занимают и сюжеты, связанные с «этническим» самосознанием православного населения украинско-белорусских земель Речи Посполитой¹. Особенно важно то, что им осуществлен фактически *прорыв* в изучении представлений о «русском» в средних и низших слоях православного общества Украины и Белоруссии. Благодаря многолетнему и систематическому изучению разнородных и огромных по

В данной научной работе использованы результаты проекта «“Центры” и “периферии” в средневековой Европе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

¹ Ряд важных наблюдений был сделан Б.Н. Флорей уже в 1982 г. (*Флоря Б.Н.* Зарождение на Украине и в Белоруссии народно-освободительного движения и Россия // *Пацуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 176–194). В 1990-е гг. Борис Николаевич вернулся к той же проблематике: *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — раннего Нового времени // Россия–Украина: история взаимоотношений / Под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М., 1997. С. 9–28; *Флоря Б.Н.* Некоторые соображения об этническом сознании предков современных белорусов (в связи со статьей Котлярчука) // Русь–Литва–Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика. М., 1997. С. 92–94; *Флоря Б.Н.* О формировании идеологии украинской элиты во второй половине XVII в. // *Studia slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 163–170; *Флоря Б.Н.* Украинское общество XVII в. и его элиты в «Летописи» С. Величко // Белоруссия и Украина. М., 2015. Вып. 5; *Флоря Б.Н.* Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII — первая треть XVIII века) и два ее идеолога // *Славяноведение*. 2015. № 2. С. 25–46.

объему материалов московского Разрядного приказа Борис Николаевич выявил новый пласт «расспросных речей», записанных со слов выходцев из Украины, среди которых были и простые казаки, и рядовые горожане, и кущы, монахи, паломники, и иностранцы, и засланные в Речь Посполитую русские осведомители². Эти материалы кардинально пополняют ряд аналогичных сведений из фондов Посольского приказа, и поэтому историку удастся воссоздать взгляды «простого народа» на «русское», «польское» и «белорусское» в первой половине XVII в., в период между заключением Брестской унии и восстанием 1648 года. В этих источниках, по заключению Б.Н. Флори, выражается «устойчивое представление, что мир состоит из многих народов, у каждого из которых есть своя вера. Такое положение вещей представлялось естественным»³. Религиозный конфликт между православными, католиками и униатами описывался людьми того времени как конфронтация двух «народов», «как насилие одного народа над другим, стремление подчинить себе своего соседа, навязав ему свою веру»⁴. Обращение в унию и даже всего лишь подозрения в симпатиях к «латынской вере» служили достаточным основанием для вывода, что человек изменил «русской вере» и, соответственно, «русскости», перейдя в «польскую веру» и «обляшившись». Одновременно тех, кто перешел в православие, могли считать «русинами»⁵.

² Флоря Б.Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами Унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. М., 1996. Ч. 2. С. 151–174 (фр. перевод: *Florja B.N. Les conflits religieux entre adversaires et partisans de l'Union dans la «conscience de masse» du peuple en Ukraine et en Biélorussie (première moitié du XVIIe siècle) // XVIIe siècle. 2003. Nr. 3. (juillet-septembre 2003, 55eme année). Numéro spécial: «La frontière entre les chrétientés grecque et latine au XVIIeme siècle. De la Lithuanie à l'Ukraine subcarpathique». P. 431–448); Флоря Б.Н. Національно-конфесійна свідомість населення Східної України в першій половині XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви у XVII столітті: матеріали Четвертих “Берестейських читань”. Львів; Луцьк; Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / За ред. о. Б. Гудзяка, співред. О. Турія. Львів, 1997. С. 125–147 (вместе с дискуссией по докладу); Флоря Б.Н. «Русский народ» в Речи Посполитой и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины XVII века (по материалам расспросных речей) // Средние века. 2013. Вып. 74 (1–2). С. 160–191.*

³ Флоря Б.Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами Унии в «массовом сознании». С. 154.

⁴ Там же.

⁵ Например, обратившийся в православие кальвинист Мартин из Поморской земли назван в «Тератургиме» Афанасия Кальнофойского (1638) «церкви восточной послушным русином» (Флоря Б.Н. Древнерусское наследие... С. 180).

Трудно не признать, что такие конструкции массового сознания выглядят очень странно и неожиданно в ту эпоху, когда, как принято с уверенностью считать, «этнонациональные» дискурсы были чужды самосознанию широких слоев населения. Или придется признать, что русины Речи Посполитой заметно обгоняли в этом отношении своих современников, или необходимо допустить какое-то иное объяснение отраженным в источниках первой половины XVII в. формам протонационального самосознания.

В самом деле, и введенные в оборот Борисом Николаевичем, и другие источники той поры пестрят высказываниями о «русском», «ляшском», «белорусском», «литовском», «греческом» и т.д. Но, как кажется, весьма нередко мы принимаем за «этническое» (или «национальное») в этих высказываниях то, что не является ни «этническим», ни «этнонациональным»⁶. Для верификации данного сомнения ниже предпринят анализ составленного анонимом «Дневника поездки представителей православного духовенства Киевской митрополии на Варшавский сейм, 2 декабря 1649 — февраль 1650 г.»⁷.

В этом памятнике воспроизводится подписанный королем Яном-Казимиром в январе 1650 г. (уже после завершения проведенного в Варшаве сейма) универсал, которым частично подтверждались (без одобрения сейма) данные казакам во время Зборовской битвы обещания о возвращении православным ряда церквей и монастырей, отмене дискриминационных норм, касавшихся православных братств, школ, типографий, религиозных процессов и пр. В универсале, в частности,

⁶ Под этническим мы понимаем то, что органично присуще современному русскому языку и закреплено нашими словарями. «Этнический [от греч. *ethnikos* племенной, народный] — связанный с принадлежностью к какому-либо народу, относящийся к нему, например “этническая группа”, “этнический состав населения”» (Словарь иностранных слов. 18-е издание, стереотипное. М., 1989. С. 608), что этнос — это «осознанная культурно-языковая общность» (*Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы. Расы. Культуры. М., 1985. 2-е изд., доп. С. 29. Под «национальным» в нашем языке, как каждый знает, обыкновенно понимается не только политическая лояльность или «подданство» тому или иному государству, но — или «этнонациональное», или «идентитарно-национальное».

⁷ *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998 Ч. 1. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого (публикация источников и комментарии). С. 47–70 (далее — Заборовский 1998). Название дано Л.В. Заборовским. Самим же анонимным автором источник озаглавлен «Деяния мимомешдшей справы варшавской на сейме о поставлении благочестия с преосвященным отцем митрополитом и с духовными». Прежде документ был опубликован в приложении к «Истории Украины–Руси» М.С. Грушевского (*Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1931. Т. 9. Вторая половина тома. Прилож. 1; репринтное издание: Київ, 1997).

говорится, что Владислав IV при избрании его на престол, «видя народ *благочестия руского* ради унеи ж раздвоеный, святобливе желал умирить и соединить его с собою» (курсив здесь и далее мой. — М. Д.)⁸. В данном тексте атрибут «русское», бесспорно, отнесен к конфессиональным реалиям («благочестие») и, соответственно, не может быть принят за этническое понятие. А как дело обстоит с другими случаями употребления слова «русский» («руский») в «Дневнике» 1650 года?

Ниже в универсале речь идет о Зборовском соглашении, после которого войско запорожское было возвращено «до услуг наших и Речи Посполитой» и было обещано сохранить «народ русский весь *духовнаго и мирскаго*, шляхетцакого и всех чинов людей при правах и волностях давных» и «разорить унию», чтобы «народ русский весь умирить, в их вере грецкой утешить»⁹.

Выступает ли «народ русский» в этом высказывании как этническое или как конфессиональное сообщество? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, ясно, что для перешедших в унию русинов места в «русском народе» не остается... А слово «руский» в данном тексте можно перевести на современный язык как «православный» без какого бы то ни было «насилия» над источником. Это, однако, пока еще не значит, что в двух приведенных оборотах «руский» есть непременно конфессионим.

Прочитав одну из следующих фраз универсала — «учение волное всему *народу рускому, не во унии живуцим*, в Короне и в Великом князстве Литовском так, как древле имели, позволяем»¹⁰ — мы имеем два выбора. Или увидеть в ней выражение вполне «модерного» представления о народе как этнонациональном сообществе, часть которого «живет в униии», а часть — нет; или понять выделенное курсивом выражение как тавтологию: «русский народ, т.е. те, кто не перешел в унию», и в этом случае мы будем иметь дело со словом «руский» как конфессионимом и должны будем перевести его на современный язык через понятие «православный».

Совершенно аналогичная двойственность ждет нас и несколько ниже: «в Короне же Любелскую церковь, от чина шляхетскаго созданна... привращаем до служения *благочестия всему народу рускому, не будущему в униии*»¹¹.

⁸ Заборовский 1998. С. 67. Митрополит С. Косов, ссылаясь на наследие Владимира Святого, просил вернуть православным «то, что *народу рускому* належит благочестия», и это, кажется, описка или источника, или публикатора (Л.В. Заборовского). В тексте, возможно, определение «русское» должно согласовываться с дополнением «благочестия», а не со словом «народ» (этот пассаж читался бы: «то, что народу руского належит благочестия»).

⁹ Там же.

¹⁰ Заборовский 1998. С. 68.

¹¹ Там же.

Однако в одной из очередных фраз, говорящих о «русском народе», — «и где ни будь в Короне и в Великом княжестве Литовском от давних прав и привилеюв до урядов належит *народ руский*, дабы заодно прията были и никакого насилия не имели»¹² — «русский народ» есть, конечно, конфессионим, так как речь идет о тех, кто дискриминировался по религиозному, а не по «национальному» признаку.

Аналогично должна быть прочитана и фраза, что, отложив ряд вопросов на будущий сейм, мы «*народ руский* при всяких правах и волностях сохраняем»¹³, так как речь идет о «правах и свободах» православных подданных Яна Казимира.

Вряд ли в «модерном», этнонациональном смысле может быть понята и фраза, что «презвитери же *священицы рустии*, не бывшии во унии, абы при волностях [духовного сословия] жили»¹⁴.

При упоминании смоленских церквей (речь шла о том, чтобы там «*православным* отправлять»¹⁵) весь контекст, в котором появляется эта ремарка, позволяет видеть в слове «православный» слово, аналогичное слову «русский», употребляемому в других фрагментах нашего источника.

Что же касается начальной декларации универсала («Ознаймуем... иж соединение *народов честных полсаго, рускаго, литовского* в той Речи Посполитой... есть преболшим основанием»¹⁶), то три упомянутых «народов» — это, по меньшей мере, никак не этносы. Если «честные народы польский и литовский» есть два политических сообщества, две *nationes* в западном средневековом и «раннемодерном» смысле, то «русский народ» в этой триаде отличается от польского и литовского уже, видимо, на основе конфессионального критерия. И такое прочтение слова «русский» как конфессионима в данном случае соответствует приведенным выше контекстам и высказываниям. В середине того же абзаца речь идет снова о трех упомянутых «народях» (польские короли «остерегали сего, дабы между *народами* всегда был мир и любовь нерастерзанна...»), а в конце абзаца появляется выражение, вынесенное в заголовок нашей заметки («народ благочестия руского»).

Таким образом, всё склоняет к заключению, что в воспроизведенном в «Дневнике» универсале Яна Казимира «русский народ» есть конфессиональное понятие.

Обратимся к другим частям «Дневника» 1650 года.

¹² Заборовский 1998. С. 69.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 66–67.

Во время приема у короля киевский митрополит Сильвестр Косов напомнил, что под Зборовом король обещал «все *греческое* благочестие... на нынешнем сейму успокоити»¹⁷. Ясно, как в подавляющем большинстве случаев такое применение слова «греческий» не имеет отношения ни к Греции, ни к «греческой этничности», хотя с формальной точки зрения, по нормам и привычкам нашего современного языка звучит как этноним. В языке же Руси XVII в. слово «греческий» в подобных контекстах легко заменяется на слово «православный» (как и в приведенном выше выражении «русское благочестие»).

Во время встречи православного, униатского и католического духовенства Адам Кисель призывает: «советуйте о сем вси, как бы *народ русский* утолить и утешити, аще ли не так, начнется паки война» — и просит поступать так, «как хочет право и волность отчизны нашей, дабы мир успокоенный был всему *рускому народу*»¹⁸.

В высказываниях Киселя и католических иерархов речь идет о «русском народе», и мы снова оказываемся перед двумя опциями: или читать это выражение в анахроническом «модерном» ключе, относя слово «народ» к восточнославянскому населению Речи Посполитой; или видеть в нем смысл, отвечающий церковно-конфессиональным понятиям.

То же самое выражение, согласно «Дневнику», звучало из уст католических иерархов¹⁹. А.Е. Тышкевич, виленский епископ, обращаясь к Киселю, выразился следующим образом: «если бы *Русь озлобленную* утешили и хотение довольно духовным с митрополитом учинили, дабы ты, воеводу, был краеугольным камнем, соединяючи стены обоих стран»²⁰.

Оборот «Русь озлобленная» отвечает, конечно, понятию «православная, не принявшая унии часть русского народа Речи Посполитой».

В реплике пинского униатского епископа П. Войны-Оранского несколько неожиданно униатам и римлянам противопоставлены «христиане»²¹. Если даже считать, что слова Оранского искажены автором «Дневника», ясно, что для него (или для Оранского) приемлемо употребить конфессионим там, где в других случаях речь идет о «русском народе».

¹⁷ Там же. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Архиеп. гнезненский М. Лубеньский: «потреба *народ русский* вскоре успокоити»; епископ виленский Е. Тышкевич: «впрям то великая и потребная справа о умирении *народа рускаго* великаго времени требует» (Заборовский 1998. С. 51).

²⁰ Заборовский 1998. С. 52

²¹ Он говорил, что нужно найти такое решение, «абы каждый с своих волностей радовался, то есть, яки рекл, дабы христиане, и униатов, и римляне утешалися» (Заборовский 1998. С. 52).

Вглядываясь в ответ Киселя на реплику Оранского, мы снова сталкиваемся с выбором между интерпретацией его слов как отвечающих нормам «модерного» идентитарного этнонационализма, который видел бы сосуществование в едином «русском народе» двух конфессиональных общностей, или же как выражения церковного самосознания, для которого «русь» есть конфессиональное понятие («Не потреба тут, мость отче епискупе, выводити право, чьи бы то добра были и *которой руси* належат»; А. Кисель говорил во время избрания короля, «что тая вся благодейства *руси*, не *унеи* еще *будуцей* належит, ибо той *руси*, котора была, а не той, которая еще не была, яко то вы унеяци»²²).

С. Косов, согласно «Дневнику», сразу же подхватил сказанное киевским воеводой, противопоставляя униатам «старую русь»: «А понеже все благодейание нам, *старой руси*, а не будущим еще униятом приналежат, дабы все нам отдано было просим»²³. Мы снова имеем дело с противопоставлением двух конфессиональных сообществ (до известной степени эти высказывания следуют той же логике, что и чуть более позднее противопоставление «староверов» никонианам в Московском государстве).

Характерно и то, какой оборот принимает вся дискуссия после того, как виленский епископ Е. Тышкевич ставит вопрос о единстве «руси», говоря, что нужно, «чтобы *одна русь* была, взяти на разсуждение»²⁴. Косов отвечает, что в этом случае «о вере нашей и вашего костела много есть разсуждати». Католическая сторона (Тышкевич и ксендз Соликовский) заявила в ответ: «Не треба тут о уставах грецких и римских разсуждати, понеж едина вера и един Бог», а Кисель, напротив, завел речь о *flioque*, чистилище и папской власти²⁵. Оказывается, таким образом, что вопрос о старой и новой «руси» есть вопрос о двух религиозных традициях, об «уставах грецких и римских», как выражаются участники переговоров. Дебаты, согласно автору «Дневника», приобрели очень острый характер, превратились в перебранку. В итоге архиеп. М. Лубеньский «с гневом поведал»: «В неволю бо толику нас не введете, а я до короля еду и извещу тое советование». На этом переговори оборвались, «и так ничего не совершивше разъехались»²⁶.

²² Там же. С. 53.

²³ Там же. С. 53. Чуть позже С. Косов, отвечая на упреки оппонентов в покушении на уже принятые при Владиславе IV решения о разделе церковных владений, сказал: «уж мы мовили о том доволно, которой то *руси* то добро належит, и основание которой построено. А если нам, *старой руси*, належит, того мы и просим» (там же).

²⁴ Заборовский 1998. С. 53.

²⁵ Там же. С. 54.

²⁶ Там же. С. 56.

На следующий день, в воскресенье, православные послы на сейм вместе с А. Киселем приехали на богослужение, после которого у С. Косова состоялось совещание духовенства и православной шляхты. Кисель представил список конкретных требований к королю и католическому и униатскому духовенству, предварив его весьма драматическим комментарием: главное — добиться примирения, ибо если продолжилась бы война и «победили бы *поляки*, мы бы згинули», победили бы казаки — вы бы (т.е. духовенство) снова оказались у них в подчинении («вы по старому бы слуги слуг своих были бысте»); если соглашение не будет достигнуто, «то внезапную войну сотворим, и навеки зломышление на благочестие наше от *ляхов* будет»²⁷.

Духовенство («на сие наши») в ответ заявило, что «лучше нам ни с чим до Киева ехати, а так не наша вина будет, но тех, котории противу отвещают, нежели с тым, что а ни *народу рускаго*, ни казаков увеселит»²⁸. Мы в очередной раз видим, что понятие «народ русский» охватывает одних лишь православных, будучи противопоставлено подразумеваемым «ляхам» и униатам («котории противу отвещают»).

А. Кисель был не согласен с такой позицией, но и С. Косов и его сторонники не отступали, и, в конце концов, Кисель уступил, и к участию в совещании были приглашены «послы козацкие». Слова одного из них (И. Креховецкого) в «Дневнике» воспроизведены. Он предложил постепенно добиваться исполнения зборовских договоренностей и того, чтобы «уния до конца разорена имела быти», но церковные имущества можно возвращать из рук «унятов» постепенно.

Последовала двухдневная пауза, на третий день сейм был закрыт, а на четвертый день, когда Ян Казимир принимал участие в охоте и в похоронах, архиеп. М. Лубеньский, по просьбе С. Косова, походатайствовал перед королем о встрече с православной делегацией. Ответ, судя по дневнику, был позитивным, и И. Кононович, нареченный «епископ витебский», ночью составил перечень требований, на основе которого Кисель поутру «написал челобитную до короля от митрополита и духовенства», прислав затем ее «до прочитания и подписи отцу митрополиту».

В поданной «суплике» православные просили, чтобы им были возвращены пустующие епископии и архимандритии; другие церковные владения были бы возвращены после смерти обладающих ими в настоящее время униатов; были бы уже теперь переданы православным церкви, возвращенные им Владиславом IV. «Суплика» продолжала: получив требуемое, «утешим *народ русский* и войско Запороское»²⁹, и униаты, таким образом, снова оказываются за пределами «народа русского».

²⁷ Там же. С. 56–57.

²⁸ Там же. С. 57–58.

²⁹ Заборовский 1998. С. 60.

В тот же день король прислал обнадеживающий ответ, а вечер того же дня Косов провел на пиру у... И. Вишневецкого, наслаждаясь войско-вой и королевской «мусикою»³⁰, слушая заздравные тосты в свою честь и заручившись обещанием Вишневецкого «козаком... служить», потому что «з дому бо моего войско запорозкое начаток свой взяло».

15 января состоялось «сидение» у архиепископа гнезненского М. Лубеньского как представителя короля, и Кисель передал королю через М. Лубеньского, что «уже бо имели разговор наши *православнии* с униатами у бискупа виленского». Как мы помним, в дебатах у Тышкевича православные отождествлялись со «старой русью». В ответ на просьбу изложить переносимые «кривды» Косов представил знакомый нам перечень «обид и договоров». В частности, был перечислен ряд церквей, которые по королевскому решению 1634 года должны были быть возвращены православным, и в одном из пунктов говорилось, что Владиславом было решено, чтобы «церквей *руских* от правов греческих не отлучано, а пан Гарабурда в Литве церковь на костел, а приходы, до ней належащие, сам емлет. В Острогу святой троицы с приходами на костел обращенна и езувитом отдана, такожде Сураж тем езувитом отдан»³¹. Это один из многочисленных случаев, когда слово «русский» по смыслу полностью совпадает с понятием «православный» (в категориях современного мышления «русский» храм не перестал бы быть «русским», превратившись в «костел»).

Во включенном в «Дневник» «договоре козаком о благочестии» говорится, что «мы болши не истязуем, что от старости, но что нашими *православными* строено недавно, то бы нам отдано и ныне»³², а в ходе спора о возвращении захваченных униатами храмов, когда православным было предложено в спорных вопросах «судом доходити», С. Косов отвечает, что им в этом случае «приходит хранитися и не чаяти возвратившия на Украину живым быти, а *народ русский* ожидает нас, чаячи яко полезное справим»³³. В этом контексте слово «народ русский» опять соответствует понятию «народ православный» «православные люди» (а в обиходе Московской Руси было распространено выражение «народи» того или иного локуса, соответствующее понятию «люди» данного локуса)³⁴.

³⁰ Там же. С. 61.

³¹ Там же. С. 63.

³² Там же. С. 64.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ Например, в написанной в 1620-е гг. «Повести... кн. И.М. Катырева-Ростовского» мы встречаем следующие обороты: «*народи же Московстии*» после смерти

В ходе новых горячих дебатов С. Косов просил, чтобы «пустые ныне все церкви, и по смерти одержания униятских дабы *христианом* отданы были»³⁵, и слово «христиане», как и выше, оказывается заменителем слов «русские», «народ русский» и «старая русь». А после рассказа о том, как Кисель в спорах с польской стороной «разбранился даж до зубов», автор «Дневника», резко оборвав почти протокольное изложение прений, приводит текст проанализированного нами выше королевского универсала...

Итак, «Дневник» («Деяния мимомшедшей sprawy варшавской...») позволяет вполне ясно увидеть, что в сознании духовенства и верхов православного населения украинско-белорусских за понятием «народ русский» по временам стоит бесспорно конфессиональный смысл; в других случаях именно такое прочтение концепта «русский народ» выступает как наиболее адекватное. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не о том, что «православность» есть атрибут «русского народа» как этнической общности; «православность» в этой конструк-

царевича Дмитрия ужаснулись и «в печали были». Говоря об избрании Бориса на престол, автор пишет, что «*народи же купно* и единомышленно воздвигоша гласы свои»; «*народи же* наипаче кричаху, ови от престопаго ума своего, ови же научени бывше от самого... и по многи дни бысть *народное* кричание». При вторжении Лжедмитрия воеводы Чернигова и Путивля не верят, что тот — сын Ивана Грозного, и «поведают о нем *народу*» как о «ростриге Отрепьеве», однако «*народи же* градов тех» восстают, отдают воевод в руки Дмитрию. В ходе борьбы «литовского» и «московского» воинств, в одной из битв «московстии же *народи* поля обретают» и гонят врага, и «тако побеждени быша Поляцы». Василий Шуйский собрал «весь *народ*» для избрания патриарха, однако «*народи же* вопияху», чтобы прежде избрать царя... Советницы посланы «в *народ*», и они «наустеша *народы*», чтобы избрать царем Василия Шуйского, он избран, и «*народи*» идут по домам. Ополчение Болотникова идет на Москву, его войско побили, но оно отошло к Калуге и тут утвердилось с «тамо жительствующими *народы*». К Жолкевскому под Москву Лжедмитрий приводит «велее собрание Поляков и русских *людей*», они стоят под Коломенским, а «московстии же *народи*», видя врагов с двух сторон, вооружаются... Во время пребывания под Смоленском арестованных Сигизмундом III послов «московстии *народи*» пустили в город поляков и предались в руки гетмана. Дьявол настроил «*народы*» против Ляпунова, и «*народи*» убили Ляпунова (Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. XIII. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. Стб. 565–566, 579–585, 602, 605). См. также: *Ерусалимский К.Ю.* Понятия «народ», «Россия», «Русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV — XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время / Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 137–169 (дискуссия по докладу К.Ю. Ерусалимского: с. 170–179).

³⁵ Заборовский 1998. С. 65.

ции замещает то, что мы привыкли называть «этнонациональной идентичностью»³⁶.

Сказанное не означает, что в украинско-белорусской православной культуре того времени отсутствовали дискурсы «этнонациональной» идентичности руси и Руси. Известные высказывания Иова Борецкого, Адама Киселя, Мелетия Смотрицкого, Захарии Копыстенского³⁷ и ряда других авторов однозначно говорят, что они могли мыслить о «русском» в «этнонациональных» категориях. Православная культура восточной части Речи Посполитой в XV–XVII вв. была, таким образом, полем «соревнования» и взаимодействия двух типов представлений о «русском».

³⁶ Эти наблюдения развиты нами в специальной статье: *Дмитриев М.В.* Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI — середина XVII в.) // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства* / Отв. сост. А.В. Доронин; отв. ред. серии А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2017 (*Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени*. 1). С. 193–214.

³⁷ В «Протестации» 1621 г. митр. Иов Борецкий писал “Podobniey było Patryarszey nam i Kozakom praktykować się na stronę Moskwy, s ktorými nam iedna wiarayna bożeństwo, ieden rodzaj, ięzyk y obyčziaie” (Протестация митрополита Иова Борецкого и других западно-русских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // *Жукович П.Н.* Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Вып. III. С. 143). А. Кисель в послании архиепископу гнезненскому М. Лубенскому от 31 мая 1648 года писал о том, что он сам происходит «от крови древней русской» (“ze krwi starożytney guskie jidę...”); говоря об армии Московского государства и казаках, Кисель видел опасность в том, что их объединяет “jedna krew, jedna religio” (Воссоединение Украины с Росией. Т. 2 Р. 26). О «русском народе» как этнонациональном сообществе в текстах М. Смотрицкого и З. Копыстенского см.: *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин*. Зб. наук. праць. Київ, 2003. С. 409–434; *Неменский О.Б.* Воображенные сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник*. 2005. М., 2006; *Он же.* «Русское» и «русскость» в культуре Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII вв. (по материалам полемических сочинений) // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время* / Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008; *Он же.* Особенности этнического самосознания Мелетия Смотрицкого // *Леў Сапега и яго час*. Сб. ст. Гродна, 2007. С. 304–309; *Он же.* Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // *Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори*. М., 2008; *Он же.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // *Между Москвой, Варшавой и Киевом*. Сб. ст. / Под ред. О.Б. Неменского. М., 2008. С. 105–113.